

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ:

ЛИЧНОСТЬ, ЭПОХА,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

К 800-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ИНДРИК
МОСКВА 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
<i>П. Г. Гайдуков.</i> Вислые свинцовые печати Александра Ярославича Невского	9
<i>А. А. Горский.</i> Долгосрочные последствия деятельности Александра Невского	16
<i>Е. А. Конявская.</i> Образ Александра Невского в Житии и ранних летописях	27
<i>А. В. Сиренов.</i> Гробница Александра Невского и традиция почитания владимирских князей в XVII в.	41
<i>Л. А. Беляев, О. М. Иоаннисян, П. А. Зыков.</i> Саркофаги XII–XIII вв. в монастыре Рождества Богородицы во Владимире: топография и стратиграфия	58

І. Александр Невский: личность, деятельность, эпоха

<i>О. Ф. Кудрявцев.</i> Александр Невский и католический Запад	72
<i>А. В. Мартынюк.</i> Александр Невский и Восток: истоки «молчания века»	83
<i>А. В. Майоров.</i> Между Никеей, Лионом и Каракорумом: ориентиры внешней политики Александра Невского	97
<i>Г. Ленхофф.</i> Договор Александра Невского с немецкими купцами (1259–1263) и интересы монгольских завоевателей Руси	112
<i>А. И. Филюшкин.</i> Св. София и Александр Невский: к вопросу о происхождении идеи «где София, там и Новгород»	122
<i>А. В. Лаушкин.</i> Об одной неточности новгородского летописца в статье 6751 г.	134
<i>С. В. Городилин.</i> Двоюродные братья и двоюродные племянники: отношения Александра Ярославича с ростовскими князьями и их предыстория	143
<i>В. Н. Рудаков.</i> Между Киевом и Владимиром: великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя	164
<i>С. В. Богданов.</i> Тверские закладники времени Александра Невского	180
<i>В. А. Воронин.</i> Литовские князья на русской службе в XIII в.	194
<i>С. Н. Темушев.</i> Женитьба Александра Ярославича и внешняя политика Владимиро-Суздальского княжества по отношению к западнорусским землям в 30–40-е гг. XIII в.	205

<i>Р. Хаутала.</i> Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям	220
<i>Ю. В. Селзнев.</i> Деятельность князя Александра Невского в контексте русско-литовских конфликтов XIII столетия	231
<i>П. В. Кузенков.</i> Восточнохристианский мир в эпоху Александра Невского: время испытаний	243
<i>Г. С. Гадалова.</i> Александр Невский и Михаил Тверской – два государя Северной Руси	254
<i>С. Б. Чебаненко.</i> Послушество и свидетельствование в Северо-Западной Руси в домонгольский период и в эпоху Александра Невского	268
<i>С. А. Маслова.</i> Налоговая политика монголов во времена Александра Невского	280
<i>Ф. Д. Подберезкин.</i> Может ли «схизматик» быть рыцарем? Статус русского воина в ливонских хрониках XIII в.	293
<i>О. И. Дзярнович.</i> Религиозный статус православных в прибалтийско-немецких хрониках XIII–XIV вв.	305
<i>К. В. Вершинин.</i> Неизвестные списки слов Серапиона Владимирского	317
<i>М. К. Юрасов.</i> Восточное направление внешней политики Белы IV после битвы под Ярославем (Ярославом)	328

II. Александр Невский:

история церковного почитания, историческая память

<i>М. Б. Свердлов.</i> Александр Невский в летописных сводах XIII – первой половины XVI в.: от реальности к символу и мифу	337
<i>В. В. Долгов.</i> Историческая оценка деятельности Александра Невского как повествовательная конструкция и аналитический прием	347
<i>П. С. Стефанович.</i> «Полк» Александра в Невской битве по Житию Александра Невского	360
<i>Ch. J. Halperin.</i> Alexander Nevskii and the Suzdalian Land	380
<i>Д. А. Ляпин.</i> Мотив нарушения границ в «Житии благоверного и великого князя Александра»	390
<i>М. Гардзанити.</i> Александр Невский в «Сказании о Мамаевом побоище» ..	396
<i>Д. Ю. Кривцов.</i> Образ Александра Невского в Степенной книге	412
<i>А. Е. Тарасов.</i> Александр Невский и церемонии встреч в миниатюрах Лицевого летописного свода	422

<i>А. А. Романова.</i> Заметки о почитании «новых чудотворцев» в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XVI в.	431
<i>А. В. Духанина.</i> Рукописная и старопечатная традиции Проложной редакции Жития Александра Невского	442
<i>Г. А. Емельяненко.</i> Особенности повествования об Александре Невском в исторических памятниках Российского государства 1617–1652 гг.	466
<i>А. П. Тарасенко.</i> Иконография благоверного князя Александра Невского по памятникам иконописи и прорисям XVII–XVIII вв. из собрания Исторического музея	480
<i>А. Б. Сукина.</i> Образ Александра Невского в визуальных конструкциях «родословия» царской власти в России второй половины XVII – начала XVIII в.	494
<i>Р. А. Соколов.</i> Заметки о перенесении мощей Александра Невского в 1723–1724 гг.	507
<i>Я. Э. Зеленина.</i> Образ святого Александра Невского в княжеской иконографии XVIII – начала XX в.: между сакральным и историческим	518
<i>И. Чекова.</i> Святой Александр Невский в болгарской христианской живописи	536
<i>О. В. Калугина.</i> Образ Александра Невского в русской монументальной пластике	551
<i>М. В. Шкаровский.</i> Историческая память об Александре Невском на Северо-Западе России в XX в.	564
<i>Д. Пицкова.</i> Александр Невский — национальный герой, святой или предатель?	573

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе этой книги – материалы конференции «Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения», прошедшей в юбилейный 2021 год. Она была организована Российским историческим обществом, Институтом российской истории РАН, Институтом археологии РАН и научным журналом «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» при финансовой поддержке Фонда «История Отечества».

Обсуждение докладов, посвященных личности и деятельности Александра Ярославича, оценке интерпретаций его роли в российской истории современниками и потомками, стало значимым стимулом для завершения исследований, предпринятых авторами этого сборника.

Александр Невский был славен среди его современников, и его слава сохранялась на протяжении столетий. Он был символом победы русского оружия в ХХ в., а в ХХI столетии стал «Именем России» (Проект-голосование 2008 года). В этом позитивном процессе есть и своя обратная сторона. На конференции неизбежно, имея в приоритете научные проблемы, необходимо было учитывать и общественное звучание исторической личности, знаковости этой фигуры. Популярность Александра Невского побуждает к созданию в связи с его именем различных политических и «геополитических» идей. Однако конференция еще раз показала, что историческая личность должна изучаться в контексте ее времени, а не исходя из наших сиюминутных идеологических пристрастий. Неприемлемы попытки рассматривать его государственную, военную и дипломатическую деятельность как некий «цивилизационный выбор». Александр Ярославич был государственным деятелем той далекой эпохи, которая ставила перед ним конкретные задачи. Он решал их, будучи прекрасным стратегом и тактиком, максимально учитывая различные факторы: интересы Запада и Орды, возможности завоевателей и сложную расстановку сил в Европе. Ему приходилось делать выбор, но совершенно иной, конкретный, и нужно понимать, что пространство для маневра было весьма ограниченным.

Об Александре Невском сохранилось относительно много информации, что понятно, учитывая высокую оценку, которую давали ему современники: по словам Жития, «побеждая, он был непобедим». Житие Александра изобилует историческим материалом, который достоверен, ибо оно было создано в ближайшие годы после его кончины. Многочисленные летописные известия и рассказы также по большей части современны событиям. Но все равно остается немало неясного, спорного, по-

сколькo источники зачастую освещают события односторонне, оставляя многое «за кадром».

Особую роль играют археологические материалы. Они представляют те неоспоримые, объективные свидетельства деятельности князя, которых так не хватает всегда пристрастным нарративам. Многочисленные свинцовые печати, которые находят по всей Руси, свидетельствуют об активности Александра как государственного деятеля. Значимы и сами изменения в иконографии святых покровителей, на них изображенных: место смиренных подвижников занимают скачущие воины. Пусть до сих пор не найдено военными археологами место Ледового побоища на Чудском озере – зато раскопки в землях исчезнувших навсегда из истории пруссов ясно показывают, какой была бы участь восточнославянских земель, окажись они под властью крестоносцев. Свою версию в археологии получает столь важная в глазах наших предков история представления и погребения князя в монастыре Рождества Богородицы во Владимире и, в еще большей степени, прославления и переноса его мощей. Других личных реликвий до нас не дошло, но есть семейные: история помнит о шлеме, потерянном в битве на реке Липице и, возможно, принадлежавшем его отцу; о погребениях сыновей и внуков в соборах Переяславля Залесского и Москвы, которые обнаруживаются при исследованиях. В более позднее время – в XVI–XVII вв. – археологам постоянно встречаются и образы знаменитого соименника Александра, правителя Македонии, глубоко проникшие в художественный фольклор, в том числе – в декор московских печей.

Как и сами источники, тематика статей в книге подразделяется на два основных направления: личность и эпоха Александра Невского и историческая память о нем. В первом разделе – статьи, касающиеся биографии Александра Невского, его княжения в Новгороде и во Владимире, подробностей его победоносных походов и сражений, взаимоотношений с Ордой и Западом. В них представлены результаты изучения письменных источников (русских и зарубежных), в том числе литературных памятников, археологических данных, изобразительных источников. Второе направление – статьи об истории церковного почитания благоверного князя (его Житие, история мощей, иконография), а также отражении памяти о нем потомков в произведениях светского искусства.

Таким образом, эпоха Александра Невского, историческая память о нем рассматриваются с точки зрения того исторического, культурного и ментального контекста, который необходим для объективного исследования и понимания феномена Александра Невского.

А. В. Майоров
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

МЕЖДУ НИКЕЕЙ, ЛИОНОМ И КАРАКОРУМОМ: ОРИЕНТИРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В ходе контактов с папой Иннокентием IV и его представителями Александр Невский и его отец Ярослав Всеволодович выражали готовность принять латинство и признать власть папы в церковных делах. Эти контакты происходили в условиях более широких экуменических процессов 1240–1250-х гг., руководимых главами Римской и Византийской церквей. Русские князья и иерархи принимали самое активное участие в этих процессах, сохраняя верность Византийской церкви. Монгольская угроза, затронувшая всех христиан Европы и Ближнего Востока, непосредственно способствовала активизации усилий по восстановлению церковного единства.

Ключевые слова: Александр Невский, Ярослав Всеволодович, папа Иннокентий IV, архиепископ Петр, митрополит Кирилл

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект 21-18-00166.

В регестах папы Иннокентия IV до нас дошли копии двух посланий к Александру Невскому, датированных 23 января и 15 сентября 1248 г. В первом письме папа сообщает об обращении в латинство отца Александра, великого князя Ярослава Всеволодовича, незадолго до его трагической гибели в Каракоруме и призывает его сына последовать этому примеру. Во втором письме папа говорит о готовности к обращению самого Александра, приветствует и хвалит его за это и, в частности, за намерение возвести во Пскове кафедральный собор для латинян¹.

Готовность Александра Невского подчиниться папской власти в корне противоречит его общей репутации последовательного защитника православия. Конечно, столь радикальное изменение политических предпочтений князя, вызывавшее недоумение многих исследователей, требует объяснений. Одно из них уже давно предложено в литературе: князь Александр поддерживал контакты с латинским Западом в надежде

¹ См.: Матузова В. И., Назарова Е. А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. 2-е изд. М.; Самолва, 2020. № 11–12. С. 308–320.

получить военную помощь против монголов, которую широко декларировал папа.

Однако, на мой взгляд, не менее важное влияние на выбор Александра должен был оказать другой фактор, пока еще недооцененный исследователями, а именно церковно-политическое сближение с папством, проводимое властями Никейской империи и выразившееся в переговорах о церковной унии конца 1240-х – начала 1250-х гг., в которых русские князья и иерархи принимали самое активное участие².

К сожалению, практически не сохранились русские и греческие источники, способные пролить свет на участие Руси в церковно-союзных переговорах правителей Никеи с папством. Поэтому для нашей реконструкции, предлагаемой ниже, ключевое значение приобретают свидетельства некоторых латинских источников, синхронных описываемым событиям.

26 июня 1243 г. в битве при Кёсе-Даге монголы нанесли сокрушительное поражение главным силам сельджуков, после чего монгольская угроза вплотную подошла к границам Никеи. Император Иоанн III Дука Ватац был вынужден прервать свое успешное наступление на Константинополь, срочно вернуться в Никею и направить все ресурсы на защиту своей страны. К несчастью для Ватаца, его ставка на военный союз с сельджуками не оправдалась. Уже в конце 1243 или в начале 1244 г. правители Румского султаната, а также соседних Киликийской Армении и Трапезундской империи согласились признать себя вассалами монгольского хана. В этих условиях прекращение конфронтации с папством и поиск возможностей для нового сближения с Западом стали жизненной необходимостью для Никеи, правители которой не могли допустить войны на два фронта.

По всей видимости, на рубеже 1243–1244 гг. властями Никеи был разработан план возобновления церковно-союзных переговоров с Римом. На первом этапе переговоров полномочным представителем Никеи стал временный глава Русской митрополии Византийской церкви, архиепископ Петр, известный нам только по латинским источникам, сообщающим о его неожиданном появлении при папском дворе накануне Лионского церковного собора и о последующем выступлении перед делегатами собора³.

² Подробнее см.: *Maiorov A. V. Ecumenical Processes in the mid-13th Century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 2015. Vol. 126. P. 11–34; Майоров А. В. Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // Византийский временник. М., 2019. Т. 103. С. 128–152.*

³ См.: *Maiorov A. V. The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // Journal of Ecclesiastical History. 2020. Vol. 71. P. 20–39.*

Матвей Парижский, крупнейший английский хронист середины XIII в., представляет Петра как беженца, искавшего спасения от монголов на Западе, и эта версия принимается многими исследователями. Однако Матвей, действительно собравший обширную информацию о Первом Лионском соборе (май – июнь 1245 г.), иногда получал ее из не вполне надежных источников и в неполном виде. Не имея всей информации о Петре, Матвей не знал, что архиепископ Руси в качестве привилегированного гостя папы выступил на одном из заседаний собора и принял участие в совместном богослужении с папой и кардиналами. Об этом сообщает другой, более информированный английский источник того же времени – *Анналы бенедиктинского аббатства в Бертоне*, составитель которых имел доступ к королевскому архиву и архивам нескольких епископов, делегатов собора: «Среди прочих прелатов мира на Лионский собор прибыл рутенский архиепископ по имени Петр. По возвращении с собора некоторые участники рассказывали, что он не знал ни латыни, ни греческого, ни иврита, но, тем не менее, через переводчика блестяще объяснил Евангелие перед Святым Отцом [то есть папой]. Специально приглашенный, он участвовал в богослужении вместе со святым отцом и другими прелатами, [как и они] в священных облачениях, но другого вида»⁴.

К выводу о «блестящем объяснении» русским архиепископом Евангелия можно было прийти только в результате конкретных вопросов латинских прелатов, имевших целью выяснить, в каком смысле – греко-православном или католическом – толковал Петр наиболее важные евангельские тексты. В свою очередь, такой вопрос мог бы заинтересовать папу и кардиналов, если бы русский архиерей привез в Лион не только новую для Запады информацию о монголах, но и предложение возобновить переговоры о союзе между Римской и Византийской церквями, при условии преодоления существующих разногласий. Не случайно вопрос о восстановлении церковного единства был включен в основную повестку собора, объявленную папой на первом пленарном заседании.

Недавние археографические открытия позволяют более точно определить статус загадочного русского архиепископа и его роль в переговорах с папой. Ныне известно пять средневековых копий свидетельства Петра, записанных, скорее всего, еще до открытия Лионского собора и затем распространенных среди его участников. Особое значение для нас имеет версия, найденная в так называемом Линцском кодексе начала XIV в., который содержит несколько уникальных чтений. В частности, в Линцском кодексе Петр титулуется как архиепископ Белградский

⁴ *Annales monastici*. T. 1 / Ed. H. R. Luard // *Rerum Britannicorum Medii Aevi Scriptores*. London, 1864. T. XXXVI/1. P. 272; русский перевод см.: Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Текст, перевод, комментарий. М., 1979. С. 180.

на Руси (*Petrus archiepiscopus de Belgrab in Ruscia*)⁵. Это, вероятнее всего, означает, что его кафедра находилась в Белгороде под Киевом.

Такое дополнение к титулу русского архиепископа важнее, чем может показаться на первый взгляд. Хотя его происхождение остается неясным, это не может быть случайной ошибкой переписчика или подобным недоразумением. Белгородский епископ играл важную роль в церковном управлении, выступая в качестве наместника киевского митрополита во время длительных поездок последнего за пределы Руси, например в Константинополь. Точно так же белгородский епископ исполнял обязанности предстоятеля в те периоды, когда митрополия оставалась вакантной; с середины XII в. белгородские епископы носили титул архиепископов⁶.

После бегства или гибели митрополита Иосифа во время нашествия монголов на Южную Русь (1240 г.) белгородский архиепископ Петр должен был стать временным главой Русской митрополии до официального назначения нового митрополита константинопольским патриархом, пребывавшим тогда в Никее. Поскольку патриаршая кафедра в Никее оставалась вакантной между 1240 и 1243 гг., пребывание Петра в статусе временного главы Русской митрополии затянулось. Интронизация нового патриарха Мануила II (между августом и октябрём 1243 г.), поддержавшего курс на примирение с папством, привела к появлению при папском дворе одного из высокопоставленных иерархов Византийской церкви, архиепископа Петра, передавшего Западу сигнал о готовности властей Никее к союзу с папством. Титул Петра «*archiepiscopus Ruscia*», используемый на Западе, соответствовал титулу «*ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Ῥωσίας*», использовавшемуся в документах Византийской церкви и на печатях киевских митрополитов⁷. Это значит, что Петр прибыл к папе, скорее всего, с официальным документом, подтверждавшим его полномочия и статус.

Получив указание из Никее начать новый раунд церковно-союзных переговоров с папой, архиепископ Петр, находившийся тогда, вероятно, в Киеве, должен был согласовать свои действия с новым киевским князем Ярославом Всеволодовичем, недавно получившим этот стол по решению Батыя. Исследователями неоднократно высказывались более или менее обоснованные предположения о том, что Петр был лично связан с князем Ярославом и отправился на Запад при его содействии. Осенью 1244 г. Петр достиг Северной Италии, где неожиданно столкнулся с папской

⁵ Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other*. Helsinki, 2001. P. 154.

⁶ Назаренко А. В. Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 71–72.

⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. № 53. С. 341; Bulgakova V. *Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands*. Wiesbaden, 2004. (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. 6). Nr. 3.2.3.10. S. 266–267.

курией, покинувшей Рим из-за конфликта с императором Фридрихом II, чтобы перебраться в более безопасный Лион. Петр последовал за папой в его новую резиденцию и провел там следующие полгода, пока не получил возможность выступить на церковном соборе. По возвращении из Лиона он, очевидно, проинформировал князя Ярослава о результатах своей миссии, что, на мой взгляд, предопределило готовность последнего к подчинению Римской церкви, засвидетельствованному в упомянутом выше письме папы к Александру Невскому.

Дело, начатое архиепископом Петром в Лионе, продолжил новый русский митрополит Кирилл, выдвинутый вольными князьями Даниилом и Васильком Романовичами в противовес архиепископу Петру, ставленнику Ярослава Всеволодовича. По моим расчетам, Кирилл отправился на интронизацию в Никее в начале июня 1246 г.⁸ К концу того же года он должен был вернуться на Русь в качестве митрополита. Согласно Галицко-Волынской летописи, по пути в Никею Кирилла сопровождала охрана, предоставленная венгерским королем Белой IV⁹. Будучи союзником и родственником никейского императора, Бела использовал свое влияние, чтобы способствовать утверждению Кирилла как нового митрополита Руси.

Примечательно, что Кирилл, хотя и явно священник, не принадлежал к иерархам Византийской церкви и в ранговом отношении был ниже архиепископа Петра. Прежде чем стать киевским митрополитом, Кирилл, скорее всего, был печатником князя Даниила, то есть главой княжеской канцелярии. Сразу после того, как Даниил вернулся из ставки Батые ранней весной 1246 г., венгерский король и галицко-волыньские князья заключили политическое соглашение, одним из условий которого было содействие венгерского короля в утверждении Кирилла в Никее¹⁰.

Венгерская королева Мария Ласкарина (жена Бель IV и сестра первой жены Ватаца) в конце 1246 г. уведомила папу о своих недавних контактах с никейским императором и готовности последнего начать прямые переговоры с римским понтификом о церковной унии. В своем сохранившемся ответе королеве Марии от 30 января 1247 г. папа с энтузиазмом писал, что ее постоянные усилия привели к тому, что «Ватац и его люди пожелали вернуться в лоно матери церкви, и мы возликовали, услышав об этом, и хвалим тебя за это». Далее папа попросил, чтобы королева продолжила свои усилия и без промедления отправила новых послов к Ватацу¹¹.

⁸ Майоров А. В. «Cum quodam rege Rucsie singelariter in prelio dimicans...»: был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 48–49.

⁹ ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 809.

¹⁰ Там же.

¹¹ Acta Innocentii PP. IV (1243–1254) / Eds. T. T. Haluščynskyj, M. M. Wojnar. Roma, 1962. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes.

На мой взгляд, слова папы предполагают, что в несохранившемся письме к нему королева Мария сообщила об успешном визите в Никею нового русского митрополита, получившего подтверждение готовности высших никейских властей продолжить переговоры о церковной унии. Это тем более вероятно, если вспомнить, что на пути в Никею, а значит, и на обратном пути до Венгрии Кирилла сопровождала охрана, предоставленная венгерским королем.

Из папского письма венгерской королеве следует еще одно важное наблюдение: помимо вооруженной охраны Кирилла сопровождали в Никею высокопоставленные венгерские францисканцы во главе с их провинциальным министром Яковом (*Jacobo, ministro provinciali*). Именно этих францисканцев королева затем отправила с докладом к папе. Эта важная деталь говорит в пользу того, что в конце лета или осенью 1246 г. в Никее не только решалась судьба митрополичьей кафедры в Киеве, но и определялись условия предстоящих церковно-союзных переговоров. Именно францисканцам Иннокентий IV доверял вести переговоры о восстановлении церковного единства с греками и участвовать в богословских дебатах, сопровождавших такие переговоры. Патриарх Мануил мог отдать предпочтение Кириллу перед архиепископом Петром (который в то время, вероятно, также находился в Никее и претендовал на пост митрополита), рассчитывая, что венгерская королевская семья будет помогать своему протезе в дальнейших переговорах с папством. Основанием для таких ожиданий были не только родственные отношения между Ватацем и Белой, чьи супруги были сестрами, но и долговременный политический союз, выразившийся в неоднократных выступлениях Белы в качестве посредника в переговорах Ватаца с папой.

По возвращении митрополита Кирилла из Никей галицко-волинские князья и епископы уже не имели никаких сомнений насчет будущего союза Византийской и Римской церквей. По словам папского посла к монголам Иоанна Плато Карпини, проезжавшего летом 1247 г. через Волинь на обратном пути в Лион, русские князья после совещания со своими епископами единодушно заявили, что «желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей и учительницей»¹².

Через некоторое время после возвращения из Никей митрополит Кирилл перебрался в Северо-Восточную Русь, сблизился с Александром Невским и оставался ближайшим сподвижником князя до конца его жизни. Этот несколько неожиданный выбор Кирилла, ранее тесно связанного с волинскими Романовичами, конкурировавшими с владими́ро-суздальски-

Ser. 3. Vol. IV/1). No. 34. P. 77.

¹² *Giovanni di Pian di Carpini. Storia dei Mongoli* / Eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989. P. 330; *Джiovанни дель Плато Карпини. История монголов* / Пер. А. И. Маленна // Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 81.

ми князьями за власть над Киевом и контроль над Русской митрополией, очевидно, был продиктован решением никейских властей, стремившихся вовлечь в орбиту своих контактов с папством сильнейших правителей Руси. С помощью русских князей и иерархов власти Никее стремились продемонстрировать папству вселенский характер Византийской церкви, сохранившийся, несмотря на утрату Константинополя. Такой мотив звучит в переписке патриарха с папой¹³.

Итак, усилиями русских князей, в том числе Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, а также русских иерархов – архиепископа Петра и митрополита Кирилла – при содействии венгерской королевской семьи, предпринятыми в 1245–1248 гг., были созданы необходимые предпосылки для проведения церковно-союзных переговоров на высшем уровне.

Такие переговоры начались в 1249 г. с прибытием в Никею делегации францисканцев во главе с генеральным министром ордена Иоанном Пармским, получившим чрезвычайные полномочия от папы. Главным политическим вопросом этих и последующих переговоров было признание греками папского *plenitudo potestatis*, что было равносильно признанию верховной власти папы над Византийской церковью. В обмен власти Никее рассчитывали получить гарантированный отказ папы оказывать помощь латинским властям Константинополя, что фактически открывало реальную возможность для быстрого возвращения его под власть греков¹⁴.

Для объединения церквей требовалось преодоление давних разногласий, которым обе стороны стремились придать догматический характер. Главными из них оставались различное отношение к филиокве и литургическому использованию квасного хлеба. В начале 1250 г. под эгидой никейского императора и патриарха в Нимфее был проведен церковный собор, в котором также участвовали полномочные представители папы и некоторых восточных патриархов. Для дальнейших переговоров в мае 1250 г. в Лион было направлено ответное посольство Никее, состоявшее из высших сановников и иерархов. Послы доставили папе письмо патриарха Мануила с предложением передать все спорные вопросы, не решенные в Нимфее, на рассмотрение будущего Вселенского собора с участием всех христианских церквей, который должен был созвать папа¹⁵.

Сегодня мы не располагаем сведениями об участии в этих перегово-

¹³ См.: *Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241)* / Ed. A. L. Tautu. Rome, 1950. (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Ser. 3. T. III). No. 179b. P. 251.

¹⁴ Подробнее см.: *Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400*. New Brunswick, NJ, 1979. P. 88–95; *Franchi A. La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254). La legatione di Giovanni da Parma. Il ruolo di Federico II*. Rome, 1981; *Chrissis N. G. Crusading in Frankish Greece: A Study of Byzantine-Western Relations and Attitudes, 1204–1282*. Turnhout, 2012. P. 158–165.

¹⁵ *Acta Innocentii PP. IV (1243–1254)*. Appendix. P. 195–199.

рах русских иерархов или других представителей. До некоторой степени это может быть объяснено утратой основного источника наших сведений об экуменических процессах середины XIII в., а именно регестов седьмого года понтификата Иннокентия IV, содержавших документы второй половины 1249 – первой половины 1250 г. Однако, как мы покажем ниже, на Руси внимательно следили за этими процессами и были в курсе важнейших договоренностей Никеи с папством.

Смерть главного врага папы императора Фридриха II 13 декабря 1250 г. привела к радикальному изменению расстановки политических сил в Европе и, в частности, оказала драматическое влияние на предполагаемый союз Византийской и Римской церквей. В лице Фридриха Ватац потерял своего главного союзника на Западе, чье влияние делало папу более уступчивым на переговорах с греками.

Поздней осенью 1251 г. переговоры о церковной унии продолжились в Перудже, где, возвращаясь из Лиона в Рим, остановился Иннокентий IV. К сожалению, никаких записей, фиксирующих ход переговоров, не сохранилось. Однако документ, найденный в переписке папы Александра IV, может пролить некоторый свет на содержание дебатов. Этот документ, иногда именуемый «*Capitula*»¹⁶, представляет собой исходивший от греческой стороны список конкретных условий объединения церквей, состоявший из девяти пунктов. В первых восьми пунктах содержались обязательства Византийской церкви в отношении папского первенства: послушание папе, признание за ним прав высшей апелляционной инстанции, почетное место понтифика в любом церковном совете и др. Взамен греки добивались только одного (пункт 9) – полного восстановления своего суверенитета над Константинополем: никейский император и патриарх должны были вернуться в город, а латинский император и патриарх – покинуть его¹⁷.

Однако теперь на переговорах с греками Иннокентий IV занял более жесткую позицию, прежде всего, по главному для них вопросу – о судьбе Константинополя. Папа ясно дал понять, что он не в праве отстранить от власти законного латинского императора Баддуина II, поскольку тот не совершил никакого преступления и не имеет никакой вины перед церковью¹⁸. В результате уже в конце 1251 или в начале 1252 г. послы Ватаца вернулись в Никею с пустыми руками.

¹⁶ О датировке документа см.: *Chrissis N. G. Crusading in Frankish Greece... P. 164; Brubaker J. D. Religion and Diplomacy. The Role of the Disputatio in Byzantine-Latin Relations after 1204. PhD Thesis. Birmingham, 2016. P. 343.*

¹⁷ См.: *Acta Alexandri PP. IV (1254–1261) / Eds. T. T. Haluščynskij, M. M. Wojnar. Roma, 1966. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/2). No. 28. P. 39–40; см. также: Franchi A. La svolta politico-eclesiastica tra Roma e Bizanzio (1249–1254) ... P. 83–87, 194–199.*

¹⁸ *Acta Alexandri PP. IV (1254–1261). No. 28. P. 40–41; см. также: Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400. P. 94–95; Chrissis N. G. Crusading in Frankish Greece... P. 165.*

Провал союзных переговоров в Перудже, похоже, вызвал соответствующий отклик на Руси. В Галицко-Волынской летописи сообщается, что Даниил Романович отказался принять церковную унию и королевский венец от папы, когда этот венец доставил к князю некий епископ (или епископы) Береньский и Каменецкий¹⁹. Поскольку Даниил мотивировал тогда свой отказ отсутствием помощи со стороны папы ввиду нового обострения отношений с монголами, это событие можно датировать 1252 г. и связывать с нападением на Галицкую землю Куремсы (Курумичи). И вновь в ситуацию должен был вмешаться венгерский король Бела IV. В письме к папе, датированном 10 мая 1253 г., он подчеркивал свои заслуги в «возвращении рутенов к послушанию Апостольскому престолу» и уведомлял о том, что «их послы либо уже прибыли, либо с почтением подойдут к Вам в ближайшее время»²⁰.

В Житии Александра Невского, древнейшая редакция которого χρονика уже во второй половине XIII в., сообщается о богословском диспуте, состоявшемся под эгидой князя Александра с участием присланных папой кардиналов Галда и Гемонта. В большинстве редакций и списков Жития сообщение об этом событии помещено сразу после описания так называемой Неврюевой рати, датированной 1252 г. Русский князь и епископы решительно отвергли латинское вероучение, и папские послы отправились назад ни с чем²¹.

Приход к власти нового монгольского императора Менгу, развернувшего две крупные завоевательные кампании – в Южном Китае и на Ближнем Востоке, способствовал новому сближению Никее с Римом и привел к еще одному раунду союзных переговоров в 1253–1254 гг. Весной 1254 г. послы никейского императора и патриарха, на несколько месяцев задержанные по пути в Рим германским королем Конрадом, вновь прибыли к папе. О новых переговорах, происходивших в Ананьи, известно только по краткому упоминанию в официальном жизнеописании Иннокентия IV, составленном его капелланом Николо да Кальви (Николай де Карбио)²². И на этот раз стороны не пришли ни к какому определенному решению. Вскоре переговоры были и вовсе остановлены из-за смерти их главных участников в конце 1254 г., сначала Ватаца (ноябрь), а затем и Иннокентия (декабрь).

¹⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 826–827.

²⁰ *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* / Ed. A. Theiner. Rome, 1859. Т. 1. No. 441. P. 233.

²¹ Житие Александра Невского. Первая редакция, 1280-е годы / Реконструкция текста Ю. К. Бегунова // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 194.

²² См.: *Nicolaus de Carbio. Vita Innocentii IV* / Ed. J. Pagnotti // *Archivio della regia Società Romana di storia patria*. 1898. Т. 21. P. 112, 114; см. также: *Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400*. P. 92; *Franchi A. La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254) ...* P. 234–239.

Тем не менее этот последний раунд сближения Никеи с папством также вызвал свой отклик на Руси. Из сообщения Галицко-Волынской летописи следует, что на рубеже 1253–1254 гг. Даниил Романович после долгих сомнений и колебаний согласился на церковную унию с Римом, за что был коронован папским посланником в качестве короля Руси. Летопись специально оговаривает, что этот нелегкий выбор Даниил сделал, поддавшись на уговоры своей матери, византийской принцессы, которая происходила из семьи Ангелов, царствовавшей в Константинополе на рубеже XII–XIII вв.²³

Кроме того, в летописи подчеркивается, что Даниил принял королевский венец не только от папы, но и «от всех епископов своих», и главным доводом в пользу унии с Римом для русского князя стали надежные сведения о том, что «Иннокентий предавал проклятию тех, кто хулил православную греческую веру, и хотел собрать собор об истинной вере, о воссоединении церквей»²⁴. Как видим, сведения, которыми располагал Даниил, полностью соответствовали недавним договоренностям с папством властей Никеи.

Однако после того, как новый никейский император Феодор II Ласкарис окончательно порвал с Римом и взял курс на отвоевание Константинополя с помощью военной силы (осень 1256 г.), Даниил Романович также разорвал свои отношения с папством, отказавшись от всех взятых ранее обязательств. В письме от 13 февраля 1257 г. папа Александр IV сурово порицал Даниила за его отступничество: «забыв как про духовные, так и про светские благодеяния церкви, ты проявил неуважение к благодати, пренебрег религией, нарушив данную тобою клятву, не сдержал того, что обещал в отношении покорности этой церкви и упомянутого соблюдения веры с опасностью для своей души, ущербом для веры, небрежением для названной церкви и отступничеством от Иисуса Христа»²⁵.

Таким образом, с точки зрения отношений с папством Александр Невский и Даниил Галицкий прошли примерно один и тот же путь. Оставаясь верными Византийской церкви и поддерживая союз с правителями Никеи, они готовы были идти на сближение с Римом лишь постольку, поскольку к такому сближению были готовы император и патриарх. Единство позиций было обусловлено общностью политических и духовных интересов, главными из которых оставались объединение усилий всего христианского мира перед лицом монгольской агрессии и возвращение грекам Константинополя – важнейшей святыни и оплота православия.

²³ ПСРА. Т. 2. Стб. 827; см. также: *Maierov A. V. The Daughter of a Byzantine Emperor – the Wife of a Galician-Volhynian Prince // Byzantinoslavica. 2014. Vol. 72. P. 188–233; Idem. The Alliance between Byzantium and Rus' before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204 // Russian History. 2015. Vol. 42. P. 272–303.*

²⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 827.

²⁵ *Acta Alexandri PP. IV (1254–1261). No. 31. P. 65–67.*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Житие Александра Невского. Первая редакция, 1280-е годы / Реконструкция текста Ю. К. Бегунова // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 190–195.

Майоров А. В. «Cum quodam rege Rucsie singlariter in prelio dimicans ...»: был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 35–51.

Майоров А. В. Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // Византийский временник. М., 2019. Т. 103. С. 128–152.

Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Текст, перевод, комментарий. М., 1979.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд. М.; Самолва, 2020.

Назаренко А. В. Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 67–76.

ПСРА. М., 1998. Т. 2.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3.

Acta Alexandri PP. IV (1254–1261) / Eds. T. T. Haluščynskij, M. M. Wojnar. Roma, 1966. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/2).

Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) / Ed. A. L. Tautu. Rome, 1950. (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Ser. 3. T. III).

Acta Innocentii PP. IV (1243–1254) / Eds. T. T. Haluščynskij, M. M. Wojnar. Roma, 1962. (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/1).

Annales monastici. T. 1 / Ed. H. R. Luard // Rerum Britannicorum Medii Aevi Scriptores. London, 1864. T. XXXVI/1.

Brubaker J. D. Religion and Diplomacy. The Role of the Disputatio in Byzantine-Latin Relations after 1204. PhD Thesis. Birmingham, 2016.

Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands. Wiesbaden, 2004. (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. 6).

Chrissis N. G. Crusading in Frankish Greece: A Study of Byzantine-Western Relations and Attitudes, 1204–1282. Turnhout, 2012.

Franchi A. La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254). La legatione di Giovanni da Parma. II ruolo di Federico II. Rome, 1981.

Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, NJ, 1979.

Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989.

Maiorov A. V. The Daughter of a Byzantine Emperor – the Wife of a Galician-Volhynian Prince // Byzantinoslavica. 2014. Vol. 72. P. 188–233.

Maiorov A. V. Ecumenical Processes in the mid-13th Century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 2015. Vol. 126. P. 11–34.

Maiorov A. V. The Alliance between Byzantium and Rus' before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204 // Russian History. 2015. Vol. 42. P. 272–303.

Maiorov A. V. The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // Journal of Ecclesiastical History. 2020. Vol. 71. P. 20–39.

Nicolaus de Carbio. Vita Innocentii IV / Ed. J. Pagnotti // Archivio della regia Società Romana di storia patria. 1898. T. 21. P. 7–120.

Ruotsala A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other. Helsinki, 2001.

Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Rome, 1859. T. 1.

Alexander V. Maiorov
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

BETWEEN NICAIA, LYON AND KARAKORUM: THE FOREIGN POLICY GUIDELINES OF ALEXANDER NEVSKY

In the course of contacts with Pope Innocent IV and his representatives, Alexander Nevsky and his father Yaroslav Vsevolodovich expressed their readiness to accept Catholicism and recognize the papal power in church affairs. These contacts took place in the context of the broader ecumenical processes of the 1240s – 1250s, led by the heads of the Roman and Byzantine Churches. Rus princes and hierarchs took an active part in these processes, remaining faithful to the Byzantine Church. The Mongol threat, which affected all Christians in Europe and the Middle East, directly contributed to the intensification of efforts to restore church unity.

Keywords: Alexander Nevsky, Yaroslav Vsevolodovich, Pope Innocent IV, Archbishop Peter, Metropolitan Kirill